

Время МСК "Интервью с героем ВОВ И.Д.Чупрыновым – С ранением в ногу уговорил командира взять на штурм Берлина"

Иван Чупрынов: ну как так-то, я такой путь прошел, и штурм Берлина без меня... – раненый сбежал из госпиталя прямо в одном белье госпитальном

О том, как добровольцем ушел на фронт, воевал в пекле Сталинграда, сбежал из госпиталя проситься на штурм Берлина. О встрече с власовцами в мирной жизни и многом другом – 97-летний ветеран ВОВ Иван Дмитриевич Чупрынов рассказал для федерального сетевого издания «Время МСК».

Родился я 1 мая 1924 года в рабочей семье в пограничном городке Джаркенте Алма-Атинской области (Казахстан). В 1941 году окончил 10 классов. Через день после выпускного, 22 июня, сообщили по радио, что началась война – гитлеровские войска напали на Советский Союз. Мне тогда было семнадцать. Как оказалось, для войны я был молод, брали только с 18 лет. Военкомат упорно не хотел давать повестку, и отправлять меня на фронт. Но я был настойчив и все же добился своего – меня записали в Красную Армию добровольцем.

Направили меня в военно-пехотное училище города Семипалатинска (ныне Семей, Казахстан – Ред.). Я там не доучился. Как-то ночью всех курсантов подняли по тревоге и отправили в Сталинград, и я оказался в морской пехоте. Сталинград – это ад, вокруг все горело. Горели и хваленые немецкие танки, и наши, конечно, тоже. И ни шагу назад – такая была задача.

В первую очередь принимай на автомат. Кончились патроны? У тебя есть кортик или финка. Нет? Есть приклад, есть гранаты. Все закончилось? Ничего нет? Грызи зубами землю, окапывайся, закрепляйся, но без приказа не отходи. Вот в чем соль была. В этом мы и победили. Умирай, но не отходи, оставайся на позиции.

И вот однажды налетела туча самолетов и засыпало всех, в том числе, и меня. Много нас тогда засыпало, рядом со мной человек 50 остались засыпаны землей в траншеях. Вылезти никакой возможности не было. Это – смерть. Кто-то кое-как вылез сам – беги и выручай товарищей. Вот эти люди, кто сам откопался, то один, то второй, то третий помогали нам, кто глубже оказался под завалами земли. Откопали, и таким образом я оказался на воле. Сижую, голова кружится, все болит, ничего не шевелится, не понятно, где я нахожусь.

И опять самолеты загудели. Смотрю – батюшки, опять летят, и их столько... Я подумал, что

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

эти самолеты сейчас летят через Волгу в наши тылы, будут там бомбить. А потом посмотрел, первый самолет разворачивается, и еще раз это же место бомбит, где нас только что откопали.

Я побежал к воде. Знал, что между мной и водой примерно метров сто. А близко к воде был построен штаб нашей бригады – три наката бревен. Я забежал туда в эту землянку. Оказалось, что там не только сидеть, но и стоять места не было, все было уже занято моряками. И вдруг заскрипели бревна, на головы посыпалась земля. Я увидел, что в противоположном углу вылезла наружу бомба, такая огромная двухметровая длинная бомба, в эту землянку нашу упала и зашипела. Она стабилизаторами зацепилась за края бревен, остановилась и зашипела. Ну что, каждый из нас подумал: «Все... Братская могила». Я в тот момент маму вспомнил, когда документы подавал на фронт она мне сказала: «Сынок, там ведь не просто воюют, там убивают» ... Но бомба не взорвалась. Не знаю, почему она не взорвалась. Выбежали мы из-под завалов, ее саперы потом подорвали. Так мы все живы остались.

Бомбежки каждый день были, да не по одному разу. Как-то раз и меня зацепило – ранило в голову и шею. Направили меня в медсанбат, но до туда не доехал, потому что нас отправляли на катерах по воде, а их постоянно обстреливали немцы. Я в воду упал, уж не помню, кто меня спас. Помню, санинструктор пинцетом доставала из меня осколки и перевязывала.

После победы над немцами в Сталинградской битве, мою бригаду морской пехоты перебросили под Белгород на Курскую дугу. Там я попал в разведку 283-го гвардейского стрелкового полка 94-й гвардейской дивизии Украинского фронта.

Что интересно, я вместе со своим полком до Кишинева (Молдавия) дошел. И произошла ошибка, командование маме похоронку отправило, что я пал смертью храбрых, и был похоронен с почестями в братской могиле у деревни Самоедово Белгородской области. А следом второе извещение направили, что я без вести пропал. Такая вот оказия. Мама, бедная, плакала горько, пока мое письмо не получила. А уже после войны, спустя 30 лет – в 1975 году, я добился, чтобы меня исключили из списков погибших и пропавших без вести, так там все это время и числился.

Освободили мы Молдавию, и нашу дивизию направили в Варшаву (Польша) на сандомирский плацдарм.

В ноябре 1944-го меня ранило при бомбежке в правую ногу, переломаны кости были. В гипс закатали и оставили в госпитале в Бресте. Но к тому времени по всем границам наши уже переходили в другие страны. Ну как так-то, я такой путь прошел, и штурм Берлина без меня, не я буду осуществлять, а кто-то. Решил попроситься обратно на фронт и пошел к командованию, чтобы меня из госпиталя взяли в армию. Сбежал самовольно из госпиталя, прямо в одном белье госпитальном.

Тогда доформировывалась 855-го артиллерийского полка 311-я стрелковая дивизия, которая

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

изначально формировалась вот здесь в Кирове. И я пришел к ним проситься: «Возьмите меня». Не помню, как фамилия командира была, звали Николай, а его заместитель – замполит Журавлев. Ну я так и эдак просился, командир все слушал и говорит: «Покажи свою ногу». А мы вдвоем из госпиталя проситься пришли, я с ногой, друг – с рукой. Посмотрел командир дивизии на меня, как я с ногой управляюсь и говорит: «Тебе еще четыре месяца лечиться надо. Ты не долечился. Ты не способен воевать», и отказал мне категорично. А моего друга взял, сказал старшине вести его в дивизию и прилично одеть. Я тогда даже сплясать хотел, но ничего не получилось. Так обидно. Смотрел на все это замполит Журавлев, встал со своего места и говорит: «Слушай, Николай, мы едем с формирования, у нас много необстрелянных, тяжело нам будет. А этот парнишка – морячок, он боевой, он выдержит. Видишь, как он держится и просится». «Ну только под твою ответственность», – сказал командир. Так меня и взяли на фронт обратно.

И надо же меньше, чем через 16 дней Одер форсировали, это уже апрель 1945 года был. А нам как дали, мы вернулись обратно. Я ведь из морской бригады. Подплывал к нашему берегу, рядом разорвался снаряд, старший лейтенант и сержант в лодке плыли, от взрыва она опрокинулась. Кричат: «Помогите!». Я прыгнул с другой лодки. Вытащил первого, второго и на берег положил. И еще через 16 дней в этой дивизии меня наградили орденом «Славы 3й степени» за двоих спасенных. Мы вперед дальше пошли наступать.

Штурмовали Берлин много раз. Он был сильно укреплен. Помню, бежали несколько человек нас в атаку, и под землей загудело. А я родился-то в Алма-Ате, там такое бывало – земля загудит, потрясется и остановится. И тут вдруг что-то такое же. Я думаю, как вдруг провалится, это все – народ весь тогда погибнет. Пули летят, самолеты летят. Пробежал я немного, а там спуск под землю, залит водой, и в воде плавают женщины с детьми, детей много было, лицами вверх и все мертвые. И я упал, ноги перестали идти, жалко детей, ну мужики между собой дерутся, воюют, чем дети то виноваты, зачем они погибают и страдают... Вспомнил, как мы освобождали город Кременчуг на Украине в 43-м. Там прихвостни немцев – полицаи, отбирали у матерей детей из роддомов и детской больницы, бросали их живыми в колодец... Мы, когда деток доставали, плакали все. И в тот раз, в Берлине, я увидел мертвых детей, ноги словно отказали...

2 мая взяли мы Берлин, я к тому времени уже был командиром отделения разведки. Всего я был четыре раза ранен на фронте, но остался жив, мне повезло. Скольких товарищей потерял... Когда объявили о Победе 9 мая 45-го, что было, все стреляли из всего оружия, кричали, улыбались, обнимались, танцевали, пели – радость была, разгромили мы фашистов, освободили Европу.

Демобилизовался после войны, вернулся домой. Окончил юридический институт, и меня направили в Кировскую область – служить Родине дальше. Я ведь власовцев на войне в плен брал. Воевал против власовцев, и опять судьба свела... Они жили и работали у нас на севере Кировской области в Кайском районе, отбывали срок за военные преступления. Они там убили

Официальный сайт
Следственный комитет
Российской Федерации

детей – утопили их в реке, чтобы скрыть следы. А их трупы уплыли в Пермь, там их из воды и подняли. Стал я расследовать это трудное дело. Я тогда уже был старшим следователем прокуратуры.

Вызываю одного на допрос, а приходит – другой... чинили мне препятствия. Сложно расследование шло, но я всех выявил, к тому же в этой истории оказался замешан местный участковый, он тоже был арестован. Всех виновных в конечном итоге осудили. А все почему? Да потому, что я всегда старался ставить себя на место преступника. Если бы я был на его месте, как бы поступил, эта логика и аналитика мне очень помогала всегда.

Дослужился я до заместителя прокурора Ленинского района города Кирова, с этой должности в 1985 году ушел на пенсию. И все это время я не сижу без дела, я передаю свой опыт молодым следователям, рассказываю в школах о войне.

Не забывают Ивана Дмитриевича Чупрынова и сотрудники Следственного управления Следственного комитета России по Кировской области. Они навешают его и помогают, как и другим ветеранам Великой Отечественной войны.

Если бы не участие помощника руководителя управления по информационному взаимодействию с общественностью и СМИ, капитана юстиции Марии Меркуловой, наши читатели не узнали бы историю ветерана ВОВ Ивана Дмитриевича Чупрынова. Именно она договорилась о встрече с героем войны и сделала запись для нашего издания.

23 Июня 2021

Адрес страницы: <https://sledcom.ru/press/smi/item/1585544>